

А. П. Платонов

ПЛАТОНОВ (настоящая фамилия Климентов) Андрей Платонович [16.8(28.8).1899, Ямская Слобода, предместье Воронежа — 5.1.1951, Москва] — прозаик, поэт, драматург, киносценарист, критик, публицист.

Отец П. — паровозный машинист, слесарь воронежских железнодорожных мастерских, талантливый изобретатель-самоучка — был известен в рабочем Воронеже, о нем не раз писала губернская пресса (в т. ч. его сын в очерках серии «Герои труда»). П. унаследовал от отца любовь к технике и «потной работе», преклонение перед поэзией паровозов и иных машин, мастерством человека-рукодельца и труженика; от матери, дочери часового мастера, глубоко верующей женщины, — понимание души русского православного люда, высокий идеализм христианского мироотношения. На худож. мир П. заметно повлиял образ его «детской родины» — Ямской Слободы. С одной стороны (в нескольких сотнях метров), узкоколейка, многочасовые наблюдения за маневрами паровозов, с другой — Задонский тракт, с рассказами паломников о святых местах. С одной стороны, город рабочих и мастеровых людей, идеи глобального социального и технократического переустройства мира, заводской гудок, с другой — деревенский быт, мир плетней и многовекового уклада, колокольный звон, ценности традиционных отношений, стабильный общинный лад, семейные радости и беды, дети и старики.

С 1906 (или 1907) П. учился сначала в 1-классной (с 3-летним сроком обучения) церковно-приходской школе при кафедральном Троицком соборе Воронежа, затем в мужском 4-классном училище. Как старший в многодетной семье из 11 человек, с 14 лет начал работать — конторщиком в губернском отделении столичного страхового общества «Россия» и в управлении службы пути в Обществе Юго-Восточных железных дорог, рабочим в литейной мастерской трубочного завода, в воронежских железнодорожных мастерских; весной-осенью 1918 служит в Контроле сборов Юго-Восточных железных дорог. Именно к этому времени относятся первые известные публикации стихов П. В окт. 1918 П. подает заявление на физико-математический ф-т ун-та, но вскоре просит о переводе на историко-филол., слушателем которого является до мая 1919. Затем переходит в только что открывшийся железнодорожный политехникум, на электротехническое отделение (окончил в 1921). Осенью 1919, когда Воронеж был захвачен денкинскими войсками, П. работал корреспондентом газ. «Известия Совета обороны Воронежского Укрепленного района».

Первые публикации П. относятся ко второй половине 1918. 1 июня в воронежском лит. двухнедельнике «Тени» было опубликовано стих. П. «Юноше», 6 июня в ж. Воронежского комитета Союза рабочей молодежи «Юный пролетарий» — «Рабы машин». Ориентируясь на анонсы в губернской прессе, П. рассылает написанное (стихи, эссе, рассказы) в местные и центральные изд.

Детство и отрочество писателя совпало с Первой мировой войной, юность — с революцией и Гражданской войной. Колебаний в вопросе — принимать или не принимать революцию? — у 18-летнего П. не было. Революция была воспринята религиозно-апокалиптически как начало новой мировой эры торжества истины и правды. Круг интересов П. чрезвычайно разнообразен: текущая политика и русская религиозная философия, вопросы совр. науки, классической и новейшей эстетики, изобретательство и концепции «производственничества», пролетарская литература и «Философия общего дела» Н. Федорова, работы марксистов и чтение романов Ф. Достоевского, прозы В. Розанова.

1920 был звездным часом в жизни пролетарского писателя П.: стихи, статьи, рецензии, политические передовицы, рассказы печатаются, можно сказать, с листа (газ. «Красная деревня», «Воронежская коммуна»). В этом же году он становится слушателем совпарт-

школы, постоянно выступает в дискуссиях Коммунистического союза журналистов; его принимают кандидатом в члены РКП(б). В истории создания Воронежской организации Всероссийского Союза пролетарских писателей (авг. 1920) П. принадлежит одно из первых мест. 18 окт. он впервые в Москве, на Всероссийском съезде; включен в список действительных членов ВАПП с правом решающего голоса. Правда, в ответе на вопрос анкеты «Каким литературным направлениям сочувствуете или принадлежите?» — «Никаким, имею свое» — узнается интонация зрелого П. Как и в ответе — «Никакие» — по поводу традиционного для анкет вопроса о том, какие писатели оказали на него влияние (РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2). К концу 1920 П. собрал первые книги рассказов, стих. и статей и в янв. 1921 предпринял попытку опубликовать собранное в Москве, направил в Госиздат предложение об издании. Однако всеобщий дебют не состоялся.

Страшный голод 1921, вызванный засухой в Поволжье и юго-восточных районах России, заметно изменил публицистику писателя; основной темой статей П. теперь становится пропаганда идей гидрофикации и создание организации по борьбе с засухой. Осенью 1921 в ходе партийной чистки П. исключают из кандидатов в члены РКП(б) как «шаткий и неустойчивый элемент», «за недостаточно активное посещение занятий партийной ячейки Губсовпартшколы». В 1922 П. участвует в создании и работе Чрезвычайной комиссии по борьбе с голодом; с мая 1923 состоит на службе в Воронежском губземуправлении в должности губернского мелиоратора, заведующего работами по электрификации сельского хозяйства. «Засуха 1921 г. произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление, и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом — литературой», — писал П. в автобиографии 1924. Он не уйдет от разработки идеологии пролетарской культуры («Рабочий класс — это моя родина», — напишет он в 1931 М. Горькому), но в состав ее идей мощно и властно войдут жизнь, любовь и страдание, необыкновенная отзывчивость на все отмеченные знаком нового культурологические и науч. идеи.

В 1921 в Воронеже выходит небольшая книга П. «**Электрификация**» (16 страниц); в 1922 в Краснодаре — книга стихов «**Голубая глубина**». В 1923 своеобразные «Голубой глубины» отметит В. Брюсов: «...у него — богатая фантазия, смелый язык и свой подход к темам» (Печать и революция. 1923. № 6. С. 69).

Несмотря на занятость производственной работой П. много пишет, участвует в коллективных изд. воронежских поэтов (сб. «Стихи», 1921; сб. «Зори», 1922), в выпуске общественно-сатирической газ. «Репейник», посылает рассказ «**Бучило**» на конкурс, объявленный московским ж. «Красная нива» и выигрывает его (1923). Бывая в Москве в служебных командировках, он посещает «Кузницу», где читает свои рассказы (1923), встречается с влиятельным московским редактором А. К. Воронским (1923) и печатается в ж. «Прожектор» и альм. «Наши дни»; становится автором ж. «Октябрь мысли», где в 1924 публикует рецензии на центральные московские и петроградские журналы.

В февр. 1926 на Всероссийском съезде мелиораторов П. был избран в состав ЦК Союза сельского хозяйства и лесных работ; в июне этого года он переезжает вместе с семьей (женой Марией Александровной и сыном Платоном) в Москву, в окт. зачисляется на должность инженера-гидротехника отдела мелиорации и водного хозяйства Наркомата земледелия. Вскоре назначается заведующим отделом мелиорации Тамбовской губ. (обл.) и уезжает в Тамбов. Три с половиной месяца (8 дек. 1926 — 23 марта 1927), проведенные в Тамбове, — время чрезвычайно продуктивной творческой работы. В янв. П. завершает работу над науч.-фантастической повестью «**Эфирный тракт**», дорабатывает рассказ «**Антисексус**», составляет книгу стихов «**Поющие думы**» и 2 книги прозы, создает «**Епифанские шлюзы**» — повесть о петровских преобразованиях русской жизни; в февр. пишет сатирический рассказ «**Город Градов (Заметки командированного)**». В это же время пишет статьи по вопр. землепользования, философские эссе об искусстве, науке, религии, лит. пародии и новые рассказы, формируются новые замыслы (в частности, роман о Пугачеве).

Внешние обстоятельства жизни П. были по-прежнему нележки. В Москве оставалась семья, в неблагоприятных условиях велись мелиоративные работы, трудно шло издание книг и новых произведений (не проходят «Антисексус», «**Война**», «Эфирный тракт», «**Фабрика литературы**», «Поющие думы»). В марте 1927, вернувшись в Москву, П. перерабатывает рассказ «Город Градов» в повесть, пытается наладить отношения с киноцензорами и пишет киносценарий «**Песчаная учительница**», создает цикл новых «провинциальных» повестей: «**Сокровенный человек**», «**Ямская слобода**», «**Строители страны**» (первый подступ к ро-

ману «Чевенгур»). В июне 1927 благодаря поддержке Г. З. Литвина-Молотова выходит единственная из подготовленных в начале года книг — сб. повестей и рассказов «**Эпифанские шлюзы**». В лит-ру стремительно входил большой писатель — со своим героем, со своим видением мира и языком. В далеком Сорренто М. Горький в потоке новинок советской лит-ры отмечает книгу П. и советует своим корреспондентам обязательно ее прочитать. Среди «новых художественных индивидуальностей» 1927 выделяет П. и А. К. Воронский, отмечая «свежесть и упористость» языка писателя.

Летом 1927 П. приступает к «Чевенгуру» и в начале 1928 завершает работу над романом. На карте мировой культуры XX в. появился город Чевенгур, запечатлевший и пройденные маршруты жизни, и мысли его создателя. «Чевенгур» — монументальный памятник писателя родному краю (основные географические названия относятся к родной для писателя Воронежской обл.) и одновременно — мировой утопический город коммунизма, создание которого обернулось не только уничтожением его «старой» жизни, но и гибелью идеологов и строителей Нового Града. Слово «Чевенгур» живет в романе окруженное целыми рядами «влекущих певучих имен», оно — та вечная в человеческой истории тяга к неведомому, невыраженному и идеальному слову-символу, что занимает высокую культуру и опустошенное безверием сердце массового человека. П. проходит со своими героями этот путь в страну коммунистической мечты-утопии до конца.

В 1928–29 П. предпринимает ряд попыток опубликовать роман. Анонс рассказа «Чевенгур» появляется в «Молодой гвардии» (1928. № 6, 7), в ж. печатаются некоторые фрагменты романа: в «Красной нови» (1928. № 4, 6) — «Происхождение мастера» и «Потомок рыбака»; в «Новом мире» (1928. № 6) — «Приключение». В 1929 П. предлагает полный текст романа в изд-во «Федерация» и получает отказ, он обращается за помощью к М. Горькому и передает ему рукопись романа, вновь отдает в «Новый мир» и «Красную новь» фрагменты романа («Ребенок в Чевенгуре», «Кончина Копенкина»), но все попытки опубликовать роман закончились неудачей. Впервые на русском яз. он был опубликован в Париже (1972), а позднее в Москве (Дружба народов. 1988. № 3–4). В 1928–29 выходят сб. «**Луговые мастера**», «**Сокровенный человек**», «**Происхождение мастера**». Какое-то время П. сотрудничает с «Крестьянской ра-

диогазетой», пишет редакционную статью о крестьянских письмах, для чтения по радио создает рассказы и сценарии.

Год великого перелома станет началом пристального внимания критики к П. Поводом для этого послужили рассказы «**Че-Че-О**» (печатался как написанный в соавторстве с Б. Пильняком) и «**Усомнившийся Макар**». На политические обвинения, прозвучавшие со страниц «Вечерней Москвы» в статье В. Стрельниковой «„Разоблачитель“ социализма. О подпольниках», П. ответил статьей «**Против халтурных судей**» (Лит. газ. 1929. 14 окт.). Публикация «Усомнившегося Макара» имела более тяжелые последствия, ибо грустно-смешная история о похождениях деревенского «нормального мужика» Макара Ганушкина, в жизни которого посещение «центра государства — Москвы» сыграло роковую роль, была прочитана И. В. Сталиным и квалифицирована как «вредная» и «двусмысленная». Отклик на публикацию рассказа последовал мгновенно. Рассказ был опубликован в сентябрьском номере «Октября», а уже в ноябрьском печатается покаяние редакции ж. и статья ведущего критика и генерального секретаря РАПП Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах». Эта же статья 3 дек. с небольшими изменениями печатается на страницах «Правды» (именно правдинская публикация Авербаха послужит материалом для завершения одной из былей о похождениях Макара Ганушкина, не вошедших в текст «Усомнившегося Макара», смертью героя — рассказ «**Отмежевавшийся Макар**»).

Однако несмотря на авторитетную критику П. продолжает предлагать в журналы и изд-ва еще одно произведение — повесть «**Впрок**» (написана в 1930). Повесть не принимают, отмечая в ней наличие «юродских» интонаций «ошибочного» «Усомнившегося Макара».

Конец 1929 — начало 1930 наполнен в жизни и творчестве П. самыми разными событиями и мероприятиями. Он часто бывает на родине, продолжает даже курировать начатые еще им земельно-мелиоративные работы на р. Тихая Сосна Острогожского округа. Однако осенью 1929 работы по «ремонту земли» были приостановлены — в Острогожском р-не развернулась истребительная коллективизация, на подавление крестьянских выступлений против снятия колоколов были брошены части Красной Армии. В янв. 1930 П. часто бывает на Ленинградском металлическом заводе, где в это время налаживается производство новых турбин (к этому времени

он получил уже несколько авторских свидетельств на изобретения, среди которых и разработка паровой турбины). Записные книжки заполняются невероятным материалом, представляющим хронику крестьянской и рабочей жизни года великого перелома. В первой половине 1930 он создает серию очерков и рассказов о колхозной и рабочей жизни, пишет киносценарии («Турбинщики», «Машинист»), пьесу «Шарманка», создает новую ред. повести «Впрок», делает первые записи к «Котловану», летом вновь уезжает в провинцию — в колхозы и совхозы Поволжья.

Из платоновской хроники года великого перелома только повесть «Впрок (Бедняцкая хроника)» будет опубликована в 1931 в ж. «Красная новь» и вслед за рассказом «Усомнившийся Макар» ляжет на стол И. В. Сталина. Основную тональность истребительной критики, что обрушится на П. после публикации повести, определяют слова «клевета» и «юрродство» (Фадеев А. Об одной кулацкой хронике // Красная новь. 1931. № 5, 6; Селивановский А. В чем «сомневается» Андрей Платонов // Лит. газ. 1931. № 10, и др.).

П. направляет в редакции газ. письма, в которых признает ошибки «Впрок», но газ. не осмеливаются их опубликовать. В июне 1931 он пишет И. В. Сталину и М. Горькому. Ответа не последовало. Поток погромных статей нарастает. В авг. автор крамольной повести, «агент буржуазии и кулачества в литературе», уезжает прежним маршрутом — в колхозы и совхозы Северного Кавказа — и привозит беспощадный материал для повести «Ювенильное море». 1 дек. 1931 П. сделает запись, итожащую его прорыв этих лет и исполненную величайших смыслов — о том благодатном и сверхмирном бытии, что дает всегда возможность человеку свободно исполнить его долг на земле: «На конце истории находится радость. Это пишет человек, на конце которого стоит смерть и которому, однако, все удалось успеть. А. П.».

П., действительно, опять успел, ибо создание повести «Котлован» в конце 1930–31 (первая публикация в советской печати — Новый мир. 1987. № 6) — это подвиг писателя, победа русской лит-ры на ее магистральном направлении — защиты народа и народоведения. «Сюжет не нов, повторено страдание» — эпитафия, сохранившийся в черновиках повести, показывает, что раскулачивание деревни и бесконечное строительство «общепролетарского дома» в городе интерпретируются П. не только социально-темати-

чески (т. е. применительно к политической ситуации осени 1929), но и символически и историософски. В центре его размышлений судьба исторической России и ее детей; его сомневающиеся герои ищут ответа на вечные онтологические вопросы бытия: что есть жизнь, в чем (или в ком) истина, каковы возможности и пределы познания мира и преобразований русской жизни и т. д. Нити этих «сокровенных» вопросов жизни вплетены в ткань прозы писателя, они создают плоть его особых худож.-философских образов-понятий.

Наступившая после публикации «Впрок» изоляция П. обозначила новый период в жизни и творчестве писателя. С 1932 П. на инженерно-конструкторской работе в тресте «Росмеровес». Он свободен от лит. жизни и ее страстей, и итог этой свободы — колоссальный. В начале 1930-х П. вышел к постижению постчевенгурской эпохи, «московского» комплекса ее идей, первое видение которых мелькнуло в страшном сне Макара Ганушкина и было связано с «научным человеком», «отцом Сталиным» как центром новой московско-пролетарской культуры. «Котлован» закладывал фундамент этого постижения. В 1931–32 П. пишет повести «Ювенильное море», «Хлеб и чтение», народную трагедию «14 Красных Избушек»; в 1933 — рассказ «Мусорный ветер», повесть «Инженеры», первую часть московского романа «Счастливая Москва», эссе «О первой социалистической трагедии»... Произведения читаются в московских ж. и изд-вах и возвращаются автору. «Могли бы быть советским писателем или это объективно невозможно?» — спрашивал П. Горького в письме 1933. Горький не ответил на прямо поставленный вопрос. Однако не без помощи Горького П. начинает сотрудничать с горьковскими изданиями («Две пятилетки») и включается в состав писательской бригады для поездки в Туркмению. Как инженер и мелиоратор П. также входит в состав туркменской комплексной экспедиции Академии наук СССР по изучению промышленности республики. В марте 1934 он уезжает в Туркмению в составе писательской бригады.

Из Туркмении Платонов привозит рассказ «Такыр» (опубликован: Красная новь. 1934. № 9), наброски к новым произведениям. С 17 авг. по 1 сент. 1934 проходил I съезд советских писателей, определивший социалистический реализм как «столбовую дорогу» не только советской, но и мировой лит-ры. На съезде имя П. даже не упоминалось. Однако за его «возвращением» в лит-

ру следили тщательно, о чем свидетельствуют не только агентурные донесения в ОГПУ, но и публичные выступления. 18 янв. 1935 на страницах «Правды» печатается выполненная в фельетонной стилистике заметка «Дрема и видеть наполовину» Н. Никитина о рассказе «Такыр»; 5 марта о новых произведениях П. («Такыр», «Семейство», «Скрипка», «О первой социалистической трагедии») и прежних «кулацких позициях» и настроениях автора «Впрок» говорится в докладе секретаря СП СССР А. Щербакова (Второй пленум правления Союза писателей. М., 1935. С. 321–323). П. в эти месяцы находится в Турмении, где пишет восточную повесть «Джан», отмеченную жесточайшей полемикой с законодателями азиатской темы в советской лит-ре и с выступлениями Горького-публициста первой половины 1930-х. Из произведений туркменского цикла только рассказ «Такыр» был опубликован при жизни писателя. Осталась незавершенной и работа над романом «Счастливая Москва», над которым П. продолжал работать до 1936.

Он будет продолжать изобретать, о чем свидетельствуют зарегистрированные авторские свидетельства, однако, пожалуй, впервые основной становится профессиональная писательская и лит.-критическая работа. Платонов становится известным в московских кругах лит. критиком (с 1936 П. печатается в ж. «Лит. критик» и «Лит. обозрение»).

В 1936 Платонов пишет «мирные» и «смирненные» новеллы о любви, труде, страстях и страданиях маленького человека дореволюционной и совр. России: «Семен», «Бессмертие», «Ольга», «Третий сын», «Среди животных и растений», «Алтеркэ», «Фро», «Река Потудань», «Любовь к Родине, или Путешествие воровья». В 1937 выходит книга рассказов «Река Потудань», и в этом же году Платонов начинает делать первые наброски к новому роману «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году» (в февр. 1937, в дни пушкинских торжеств, П. проехал на перекладных по маршруту «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева и пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург»).

Советская критика быстро взяла под прицел книгу «Река Потудань» и лит.-критические статьи политически неблагонадежного писателя.

«Религиозное душеустройство» — этот диагноз был поставлен новому платоновскому герою в монографическом исследовании А. Гурвича (Красная новь. 1937. № 10). За-

канчивалась «безбожная пятилетка» (ее официальное название), и приговор П. за «ревизию христианства» звучал прежде всего в контексте общей ситуации политических процессов 1936–37 и партийной установки «ликвидации политической беспечности» (И. В. Сталин). П. ответил на обвинения А. Гурвича статьей с символическим названием «Возражение без самозащиты» (Лит. газ. 1937. 20 дек.).

После выхода книги «Река Потудань» и развернувшихся новых дебатов о его творчестве П. впервые внимательно прочитают в русской эмиграции. В статье с прицельно-точным названием «Шинель» Георгий Адамович писал, что у П. состоялся свой особый и спасительный диалог с Пушкиным и Гоголем: «Все знают знаменитые слова о том, что русская литература вышла из гоголевской „Шинели“. Казалось, последние двадцать лет их можно произнести только в насмешку. Но вот с Платоновым они опять приобретают значение — и мучительно ища соединения того, что ему подсказывает совесть, с тем, чего требует разум, Платонов один отстаивает человека от пренебрежительно-безразличных к нему стихийных или исторических сил» (Последние новости. Париж. 1939. 11, 18 мая).

На рабочем столе П. в это время новые рассказы, статьи, пьесы, киносценарии. В июле 1938 планировалось представление в изд-во «Советский писатель» романа «Путешествие из Ленинграда в Москву». 29 апр. 1938 был по навету арестован и осужден по 58-й, «политической» статье единственный сын писателя Платон, 16-летний школьник (освобожден благодаря содействию М. Шолохова в окт. 1940; вернулся смертельно больным, умер в 1943). «Слишком любимое и драгоценное мне страшно — я боюсь потерять его», — писал Платонов в 1926 о 3-летнем сыне. «Ребенок в Чевенгуре» — беспощадное время вернуло писателю его рассказ о гибели ребенка в мире чевенгурской коммуны. Трагический и безысходный личный опыт разлученности с сыном был переплавлен и отражен писателем в раздумьях о мистической связи поколений в пьесе «Голос отца (Молчание)» (1938), в статьях о детской лит-ре и рассказах о детях и для детей 1938–41. Никогда, пожалуй, не было в платоновской прозе столько света и добра, сколько в его рассказах конца 1930-х. Не великими историческими стройками и глобальными планами, как в «Котловане» и «Ювенильном море», а сохранением доброты заняты все платоновские герои: бабушка Ульяна и девочка Наташа («Июльская гроза»), сирота Уля,

исправляющая не царей, а недобрых людей («Уля»), «юрод» Юшка («Юшка»), мальчики Вася на дальнем полустанке («Корова») и Григорий Хромов из д. Мишукино («Великий человек») ... За исключением «Июльской грозы» (рассказ печатался в отредактированном виде), написанные в 1938–41 рассказы, пьесы и киносценарии остались неопубликованными.

С 1938 разворачивается целая кампания погрома лит.-критических статей П.: отправляется донос в ЦК; останавливается издание книги «**Размышления читателя**»; в ЦК запрашивается его книга «**Николай Островский**» (книга так и не обнаружена). Осенью 1939 с политическими обвинениями П.-критика выступает влиятельный В. Ермилов (О вредных взглядах «Литературного критика» // Лит. газ. 1939. 10 сент.); в редакционной статье ж. «Большевик» статья П. «**Пушкин и Горький**» будет названа «путаной» и «насквозь антимарксистской», «оскорбительной для памяти великого пролетарского писателя» (О некоторых литературно-художественных журналах // Большевик. 1939. № 11. С. 56–57); имя П. как пример антимарксистской эстетики упоминается во всех дискуссиях 1940 (о трагическом в «Тихом Доне» М. Шолохова, о Маяковском). Не дойдет до сцены Центрального детского театра ни одна из пьес П. этих лет («**Избушка бабушки**», «**Добрый Тит**», «**Неродная дочь**»); остается неизвестным роман «Путешествие из Ленинграда в Москву», который П. не стал сдавать осенью 1940 (время освобождения сына) в изд-во «Советский писатель» и заменил его на сб. рассказов «**Течение времени**» (также не опубликован).

С первых дней Великой Отечественной войны П. добивается отправки на фронт. В начале 1942 (в эвакуации в Уфе он пробыл несколько недель) П. утверждается военным корреспондентом «Красной звезды» и вскоре уезжает на фронт. «Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. У меня получается нечто вроде реквиема в прозе. И это произведение, если оно удастся мне, Мария, самого меня хоть отдаленно приблизит к душам погибших героев... Мне кажется, что мне кое-что удастся, потому что мною руководит воодушевление их подвигом», — писал П. жене в одном из первых писем с фронта. Рассказы П. военных лет — это действительно «реквиемы в прозе», духовная в своих истоках проза большой русской литературы, выдержавшая испытание и войной, и временем. Очерки и рассказы П. с неизменной подписью «Действующая армия» постоянно

печатались на страницах «Красной звезды» и «Красноармейца». В годы войны вышли из печати 4 книги его военной прозы: «**Одухотворенные люди**» (1942), «**Рассказы о Родине**» (1943), «**Броня**» (1943), «**В сторону заката солнца**» (1945). Судьбы рассказов военных лет были также драматичны: рассказы отклонялись, беспощадно правились; публикации всех книг сопровождались разгромными внутрииздательскими рецензиями (их писали известные критики и писатели). «Неприемлемым» в прозе П. военных лет для его современников окажется почти все: светосносный стиль и обращение к языку житий и апокрифов (Е. Книпович), мысль автора, что русский солдат одолевает врага исключительно силой своего терпения и страдания (Г. Шторм), размышления солдат о том, что военный подвиг лишь приближает совершение др. великого подвига — подвига любви и мирной жизни (А. Чаковский) и т. д. На первой странице книги «Одухотворенные люди» П. оставил следующее лаконичное описание итогов подобного отношения: «Сокращенное издание, сильно переработанное редактурой — до искажения» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 39). В 1943 не проходит цензуру книга П. «**О живых и мертвых**», в 1946 — книга «**Вся жизнь**».

Все годы фронтовой жизни П. не оставляли размышления о мире, о том, каким человек выйдет из войны и какой будет послевоенная реальность. В этом он был верен опыту «Чевенгура» и открытию трудной дороги сирот войны к мирной жизни в рассказах 1930-х: «Война ведь пройдет, а жизнь останется, и о ней надо было заранее позаботиться» («Река Потудань»). На фронте П. напишет крохотный рассказ «**Страх солдата (Петрушка)**» о встрече солдата в освобожденной от фашистов деревне с «главным человеком» — 10-летним Петрушкой, «маленькие карие глаза» которого глядели «на белый свет сумрачно и недовольно, как будто повсюду они один непорядок видели и осуждали человечество». Финальная сцена рассказа об уснувших, осиротевших детях, детях с маленькими, «оробевшими сердцами», словно вычерчивает пространство, где возможны новые и «Чевенгур», и «Котлован».

Рассказ «Страх солдата» не был опубликован в годы войны, и уже в первые послевоенные месяцы П. вернется к образу Петрушки в рассказе «**Семья Иванова**». К концу лета 1945 рассказ был написан и опубликован в «Новом мире» (1946. № 10–11), где П. активно поддерживал К. Федин. Один из шедевров малой русской прозы о войне и о воз-

вращении солдата с фронта, рассказ «Семья Иванова» (др. название — «Возвращение»), будет назван в 1947 «клеветническим рассказом А. Платонова» (В. Ермилов), «лживым грязноватым рассказцем» (А. Фадеев).

В начале 1947 из изд-в без объяснений возвращаются рукописи книг П., из редакций журналов — рассказы и статьи, чаще всего с лаконичной резолюцией: «Рассказ не пойдет». Круг замкнулся в очередной раз — новой эта ситуация для П. не была. Он вернулся с фронта тяжелооболванным (сказалась контузия), но продолжал изобретать и писать до конца жизни. 1946 потряс Россию страшной засухой и голодом — и П., вспоминая собственный мелиоративный опыт работы, пишет статью «**Страхование урожая от недоуродов**», направляет письмо в Министерство сельского хозяйства (бывший родной для него Наркомзем) об учреждении общества по страхованию урожая сельскохозяйственных культур — и эти материалы уходят в архив. Он пишет рассказы и сказки для самых маленьких (в семье Платоновых в 1944 родилась дочь Маша), изредка печатается в «Огоньке» и «Дружных ребятах», пишет новые киносценарии.

Самым большим проектом, над которым П. работает с 1946 и до последних дней жизни, было издание русского эпоса, имеющего, как признавался он в одном из писем к М. Шолохову, «общественное значение». В 1947 «в обработке Платонова» выходит книга «Башкирские народные сказки», в окт. 1950 — книга русских сказок «Волшебное кольцо» (под общей ред. М. Шолохова).

Последним большим произведением, над которым работал П., была пьеса «**Ноев ковчег (Каиново отродье)**» — о мировом Чевенгуре: именно так представлялась П. послевоенная реальность всей земли, «страны разрушенных предметов и враждебных душ». Пьеса осталась незавершенной.

Похоронен П. на Армянском кладбище в Москве, где в 1943 был похоронен его сын Платон.

Соч.: Избранные произведения: в 2 т. М., 1978; СС: в 3 т. М., 1984–85; Сочинения. Науч. изд. Т. 1. М., 2004; Размышления читателя: статьи. М., 1970; Чевенгур. М., 1991; Чутье правды. М., 1990; Взыскание погибших. М., 1995; Проза. М., 1999; Иван Великий. М., 2000; Котлован. СПб., 2000; Записные книжки. М., 2000; Счастливая Москва // Новый мир. 1991. № 9; Ноев ковчег (Каиново отродье) // Новый мир. 1993. № 9; Технический роман // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000.

Лит.: Творчество А. Платонова. Воронеж, 1970; ...Живя главной жизнью (А. Платонов в письмах к жене,

документах и очерках) // Волга. 1975. № 9; Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж, 1982; Полтавцева Н. Г. Философская проза Андрея Платонова. Ростов н/Д., 1983; Малыгина Н. М. Эстетика Андрея Платонова. Иркутск, 1983; Шубин Л. Поиски смысла отдельного и общего существования. М., 1989; Чалмаев В. А. Андрей Платонов. М., 1989; Семенова С. Г. Преодоление трагедии. М., 1989; Васильев В. В. Андрей Платонов. М., 1990; Корниенко Н. В. История текста и биографии А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и Теперь. М. 1993. № 1; Андрей Платонов. Исследования и материалы. Воронеж, 1993; Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994; Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994; Лангерак Т. Андрей Платонов. Материалы для биографии 1899–1929 гг. Амстердам, 1999; Иласунский О. Г. Житель родного города. Воронеж, 1999; Яблоков Е. А. На берегу неба. Роман Андрея Платонова «Чевенгур». СПб., 2001; Карасев Л. Движение по склону в сочинениях А. Платонова. М., 2002; Кеба А. Андрей Платонов и мировая лит-ра. Каменец-Подольский, 2001; Из творческого наследия русских писателей XX века: М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов. СПб., 1995; Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. Вып. [1]–2. СПб., 1995. 2000; «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. [1]–5. М., 1994, 1995, 1999, 2000, 2003; Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля). СПб., 2004.

Н. В. Корниенко

ПЛАТОНОВА Александра Федоровна (в монашестве Анастасия) [16(28).4.1884, Петербург — 19.11.1941, Ленинград] — поэт, прозаик, издатель.

Родилась в дворянской семье живописца Ф. К. Платонова, принимавшего участие в росписях храмов Иоанновского монастыря на Карповке. Была духовной дочерью св. Иоанна Кронштадтского. Окончила Императорский педагогический ин-т, в 1912–18 преподавала историю в женском училище принцессы Терезии Ольденбургской и Петровской женской гимназии. Начала публиковать стихи и рассказы, еще будучи гимназисткой. Вскоре П. получила известность как автор книг о подвижниках-христианах, о гос. деятелях Святой Руси.

Произведения раннего периода вошли в первый сб. «**На высотах Духа. Стихотворения и рассказы**» (СПб., 1912). Их герои — учителя, студенты, гимназисты — молодые люди, искренно верующие или ищущие веры, стремящиеся жить по совести. П. печаталась в ж. «Голос Церкви», «Русский паломник»; в 1912–17 — постоянный автор ж. «Кронштадтский пастьрь».